

*Это книга для моих лучших друзей:
Ярека, Лешека, Лукаша, Миколая, Павла,
Петра, Пшемека и Томека.
Спасибо, что вы есть.*

Глава первая

1

ВТОРЫМ ИМЕНЕМ моей матери было Бешенство. Мы жили вместе, когда я начал слышать.

Я долго просил ее, чтобы она отвела меня к врачу. Она сама засунула мне пальцы в уши. Сказала, что все в порядке и надо быть мужчиной. Маленький мужчина — все равно мужчина. А потом выкрутила мне ухо.

— А врач всадит тебе туда иглу, — услышал я. — Вот тогда будет по-настоящему больно.

2

Говорят, что правду и удачу можно найти лишь в больших городах, но я очень долго не представлял себе жизни кроме как в Рыкусмыку. А вот мама хотела бы уехать. В Легнице меня пугали длинные ряды огромных каменных зданий. Приезжая туда, я высматривал тех гиган-

//////////

тов, что живут внутри них. Вроцлав — где мы бывали редко — состоял для меня из зоопарка, иногда — парка аттракционов, мороженого близ Центрального рынка и кинотеатра со старыми рисованными диснеевскими мультиками. После сеанса я садился в автобус и был рад, что возвращаюсь домой. Именно поэтому я никуда не ездил и на каникулы. Рыкусмыку давал мне все, что было нужно.

Кроме тишины.

На Замковой площади, за автобусной остановкой, находился рыночек, где каждый день продавалось что-то новое. В понедельник — цветы, во вторник — животные, в среду — одежда, в четверг — автомобили, и так до воскресенья, когда торговали контрабандой — цветные зажигалки из Германии, русские электронные игры с волком или подводной лодкой, одежда для рабочих и футболки с Сандрой¹. Больше всего на свете я мечтал, чтобы у меня был маленький калькулятор, такой округлый и красно-белый, как футбольный мяч. Мама даже дала мне на него деньги, которые я немедленно спустил в автоматах. Калькулятор я нарисовал себе сам, в тетради по математике.

---

¹ Сандра Крету (*нем.* Sandra Cretu); урожденная Сандра Анн Лауэр (*нем.* Sandra Ann Lauer; род. 18 мая 1962 года, Саарбрюккен, ФРГ) — немецкая поп-певица. (*Здесь и далее прим. ред.*)

Рынок тогда был очень потрепанным, а хуже всего выглядело здание городской рады, выстроенное после войны. Казалось, что оно разваливается от жалости к судьбе этих каменных зданий, избитых, будто те хулиганы, что с утра до ночи гуляли в «Ратуше». Высоко над лысеющими крышами торчала Стшегомская башня, близ которой стоял наш дом. Мимо бежала Старомейская улица с парикмахерской и магазином игрушек, в ее торце стоял закрытый кинотеатр и дом культуры, где работала мама. Если идти прямо, то скоро можно было выйти из Рыкуську на поля, и тогда передо мной открылась бы шапка леса, скрывающая затопленный карьер. Направо гравийная дорога с тополями по обеим сторонам вела в кузнечные мастерские, а поворот в другую сторону приводил в парк с прудом, полным уток с радужными головками. Была там и небольшая игровая площадка — качели из бревен и шин на цепях. Чуть дальше бежала речка, а перед ней, на небольшом холме, стоял скелет бетонного дота, приглашающий поиграть в войну. На другой стороне речушки разрастались новые кварталы. Люди, что там жили, казались столь же чужими, как какие-нибудь варвары, что украшают татуированные лица костями врагов.

Будто бы именно там однажды изнасиловали какую-то женщину, приезжую. Никто не знал, зачем она приехала — сняла комнату на

частной квартире и целыми днями крутилась вокруг замка. И кто-то напал на нее, сразу за рекой. Она заявила в полицию, но тут же забрала заявление, утверждая, что все произошло по ее согласию. А потом уехала. Я был совсем маленьким, когда случайно услышал эту историю, а взрослые отказались объяснить мне то, чего я тогда не понимал.

С другой стороны городка располагался еще один парк, побольше размером и менее ухоженный. Там стоял Собор Мира, гордость Рыкусмыку, построенный без единого гвоздя после Тридцатилетней войны, символ примирения между католиками и протестантами. Можно было зайти в соседний дом и попросить пастора, и тот открывал собор и запускал запись, рассказывающую об истории этого места, Бога и Рыкусмыку. Местом игр нам служил разрушенный дом, в котором до войны находилась кофейня. А за забором и улицей были уже только пути железной дороги да артель инвалидов «Инпродус». Я представлял себе, что там производят людей без рук и ног, а потом рассылают их поездами туда, где они нужны.

А еще у нас был замок. Замок был самым главным. Располагался он между рынком и Замковой площадью, на выветренном холме; замок цвета песка, так что он ассоциировался с одним из Пястов, который наверняка когда-то в нем жил. Построил его князь Радослав из Чехии.

Посещали замок короли, посещала Марысенька¹. В девятнадцатом веке замок стал тюрьмой, а через сотню лет — лагерем принудительного труда, что некоторые из нас еще помнят лично. Может быть, именно из-за этой памяти и замуровали все входы в него да позабывали окна на нижних этажах. И все же я сам видел свет на его башне.

А ночью из чрева замка доносились крики, смех — и звуки иного рода, которых я по малолетству не мог понять.

3

Мать была очень красива. Однажды я взглянул на себя в зеркало нагишом. У меня был впалый живот с неглубоким пупком и маленькие глазки, разделенные длинным носом. Я пошел к маме и спросил, отчего она мне не сказала, что она не моя мать. У красивой женщины не может быть такого уродливого потомства, хотел я добавить, но получил затрецину.

---

¹ Мари Казимира Луиза де Ла Гранж д'Аркьен, более известная под уменьшительным польским именем Марысенька, — супруга короля польского и великого князя литовского Яна Собеского.

4

Наши первые игры были связаны с замком. Трудно сказать, сколько нам было лет — может, восемь, может, даже меньше. Взрослые говорили, что там опасно и что можно свалиться, я слышал о лабиринте без выхода и мальчике, который попал туда когда-то и блуждает там до сих пор, хотя давно уже и вырос. Но мы, понятно, знали лучше.

Кажется, это Тромбек нашел вход — дерево и сук, ведущий к самому окну на втором этаже. Мы ходили туда все впятером не реже раза в месяц. Летом даже чаще. Я соскальзывал с ветки прямо в холод, на мусор и стекло. Уходящий вниз коридор не пропускал света вообще. Мы опирались на каменный парапет. Каждый пытался шутить, чтобы добавить смелости себе и другим. Испытание всегда выглядело одинаково и кончалось всегда одинаково. Кто дальше всех войдет в темноту? Дойдет ли кто-нибудь до конца этого коридора? Сикорка утверждал, что там внизу есть подземное озеро, но не мог объяснить, откуда он это взял.

Зажигалку я держал через тряпку или перчатку, чтоб не обжечь ладони. Шел близ стены. Оглядывался назад, на уменьшающийся светлый прямоугольник, на четыре озабоченные тени. Я считал, и они тоже считали. Считали шаги. Ногу я ставил осторожно, разбрасывая обломки носком ботинка. Становилось

все темнее и холоднее. Приходили мысли о мальчишке, что живет в подземельях, об озере, полном чудовищ, о бандитах, что устроили там свой схрон. Окно становилось все меньше, я шел все медленней и в какой-то момент поворачивался и бежал со всех ног назад с громким криком. И стыдно не было, потому что все так делали. Если я проходил больше шагов, чем кто-то смог пройти до меня, то DJ Кривда выцарапывал рекорд на стене. Если нет, то не выцарапывал.

А потом мы шли на опустевший уже рынок и усаживались на длинных столах. Рассказывали друг другу, что мы еще совершим, как будет здорово, когда наконец доберемся до низа, пересказывали друг другу разные истории, связанные с замком. Что-то живет, что-то ждет. Замок был нашей первой игрой. Оказался и последней.

5

Мы занимали квартиру на Средней, недалеко от маленького рынка. Вход был со двора, где расправлял свои ржавые плечи турник, на котором выбивали ковры. В окнах, под которыми лежали горы щебня, висели выцветшие занавески.

У меня был свой угол, но настоящим источником радости была комната мамы. Она

запретила мне туда входить, но с раннего детства я целыми днями оставался один и мог делать все, что захочу. Я прыгал по огромной кровати и листал женские журналы. Мне казалось, мамин туалетный столик растет сам по себе, вроде собора, что достраивается веками. Тогда я не использовал бы такого сравнения, конечно. У меня было иное сравнение, связанное с зеркалом, что стояло запыленным, кроме центральной части, в которую смотрелась мама. Я представлял себе, что смотрю на мир через окно, усыпанное черным снегом.

А рядом лежали сокровища: чашка, полная клипс, брошек в виде насекомых, кусочков черепашого панциря на шнурке. Я наносил на лицо боевую раскраску мамиными тенями и карандашами. Обвешивался бусами. Склеенные липкой лентой тюбики помады изображали патронташ. Я нацеливался феном в зеркало и говорил: «Сдохни».

6

Бомбочки, как ничто иное, подходили Сикорке. Не помню, были мы знакомы с ним раньше или в первый раз увиделись на свалке. Помню, что он копался в каждой мусорке, не пропускал ни одной. Часто обшаривал двор нашего сельпо, «Сполэм», на Школьной улице.

Ранец его вечно был полон пустых аэрозольных баллонов. Сикорка заявлял, что на свалках всякое может случиться, а запас карман не тянет.

Как-то раз мы пошли на свалку, а он уже был там, король цветных дюн. Поджег гору мусора и стоял, руки в брюки, будто глядел на пылающий город, только что им завоеванный. С серьезным лицом. Мы подошли, и Тромбек спросил у Сикорки, что тот, собственно, делает. Сикорка посоветовал спокойно подождать, ну мы и стояли, смотрели на огонь. Мусор горит не так, как что-то другое, — огонь задыхается, не достигает полной силы, лишь изредка высовывает синий язык над закопченными краями.

И действительно, взрывов стоило подождать. Аэрозоли взрывались одна за другой, разбрасывая мусор, а лицо Сикорки светилось восхищением. Обычно-то он редко улыбался. Мы сразу же разбежались в поисках новых баллонов. Сикорка был прав, найти их было непросто. Я нырял за ними в мусор. Хотел принести больше остальных. Никто не хотел, чтобы этот вечер кончился, и все поздравляли Сикорку с блестящей идеей. Мы долго разводили огонь, потом напряженно ждали грохота и необычайного вида горящей бумаги, медленно опускающейся с темнеющего неба.

И мы начали туда возвращаться, к отчаянию Сикорки, который уже тогда ценил оди-